

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ВТОРОГО АФИНСКОГО МОРСКОГО СОЮЗА В АФИНСКУЮ АРХЕ IV в. до н. э.

Историю Второго Афинского морского союза можно рассматривать как выражение объединительной тенденции Афин IV века до н. э., поддержанной островными эгейскими государствами, с одной стороны, и как попытку преодолеть состояние кризиса, переживаемого развитым классическим греческим полисом, — с другой. Проблему кризиса полиса в IV в. до н. э. нельзя разрешить без анализа кризиса афинской демократии, без прослеживания динамики развития объединительных устремлений афинского государства, без рассмотрения перерождения Второго морского союза и гибели федеральных отношений, в которых Афины и их союзники стремились найти жизненные формы существования.

Афины стремились осуществить свою потребность в объединении и в создании своей межполисной организации — Второго морского союза. Этот процесс, с одной стороны, тормозился противодействием сначала Спарты, а затем и Фив, с другой, — стимулировался тягой островных государств к коалиции с Афинами.

Греция IV в. до н. э. искала жизнеспособные формы преодоления экономической замкнутости и политической раздробленности своих многочисленных полисов. Объединительные тенденции греческих полисов в IV в. до н. э. проявлялись как в традиционных формах гегемонии, т. е. господства наиболее сильного полиса над другими, более слабыми, так и в форме симмахии или симполитии, т. е. более или менее демократической и равноправной федерации и, наконец, в форме подчинения мощной иноземной державе, которая прервала и подавила, но вместе с тем и завершила этот процесс конгломерации. Одной из таких искомым форм объединительного и федерального движения, типичной именно и только для IV в. до н. э., было неустойчивое, легко разрушаемое объединение государств в границах *κοινή εἰρήνη*, базировавшееся на условиях Анталкидова мира, т. е. на принципе «автономии как больших, так и малых греческих полисов» (Xen., Hell. IV, 1, 31)¹.

Установка на автономию и независимость, известная греческому праву и в V в. до н. э. (Thuc., I, 67, 2; 97, 1, 139, 1; 140, 2 и др. и ряд надписей: Tod, №№ 1, 63, 88, 96)² в IV в. до н. э. приобретает особое значение. Это, прежде всего, постулат Анталкидова мира, который стал основным общегреческим законодательным актом первой половины IV в. до н. э. В условиях раздробленности Греции принцип автономии крайне существен, хотя он, казалось бы, должен был санкционировать партикуляризм и сепаратизм. Однако для Второго Афинского морского союза установка *αὐτονομία καὶ ἐλευθερία εἶναι* была средством преодоления раздробленности и орудием объединения. Одновременно подтверждение автономии являлось для членов Второго союза реакцией на утрату ее в динамике развития Первого союза и поэтому оно подкреплялось гарантиями, т. е. обещанием Афин не вводить гарнизонов, не посылать архонтов, не собирать форос и не иметь недвижимого имущества в союзных городах (Tod, № 123, сткк. 21—23). В силу всего этого старый постулат греческого права в IV в. до н. э. приобретает принципиально новое значение.

Таким образом, Второй Афинский морской союз представляется не только воплощением стремления Афин возродить свою морскую гегемонию. Это объединение в ранний период своего существования является попыткой создать новые формы политических и экономических взаимоотношений между греческими полисами. Отношения Афин с союзниками (*συνμαχία*) можно рассматривать как попытку преодоления зависимости полноправных членов Граждан коллектива одного полиса от таких же полноправных граждан другого, как это имело место в Первом союзе (*ὑπήκοσι*)³. Второй Афинский морской союз в динамике своего развития принимал различные формы от паритетных федеральных взаимоотношений (*συνμαχία*) в подготовительный период и в начале деятельности Второго морского союза до сложившихся в конце его существования отношений подданничества, когда положение союзников стало почти аналогичным положению *ἐπίχοσι* V в. до н. э.

¹ A. M o m i g l i a n o, La *κοινή εἰρήνη* dal 386—338, Riv. Fil., LXII, 1934, стр. 484—514; F. H a m p l, Die Griechische Staatsverträge des IV J., Lpz, 1938; V. M a r t i n, La vie internationale dans la Grèce des Cites (VI—IV s. av. J. C.), Geneve, 1940; J. A. O. L a r s e n, Federation for Peace, Cl. Phil., XXXIX, 1944; A. C a l d e r i n i, Trattati internazionali nell'Antichità Greca. I—II, Milano, 1951; T. T. B. R y d e r, Κοινή εἰρήνη. General Peace and Local Independence in Ancient Greece, Oxf., 1965; J. A. O. L a r s e n, Representative Government in Greek and Roman History, Berkley and Los Angeles, 1965, стр. 47—66; U. W i l c k e n, Über Entstehung und Zweck des Königsfriedens. Abh. Ak., Berlin, Phil.-hist. Kl., 1942, № 15.

² M. N. T o d, A Selection of Greek Historical Inscriptions, тт. 1—2, Oxf., 1946 (далее — T o d).

³ См. К. К. З е л ь и н. Принципы морфологической классификации форм зависимости, ВДИ, 1967, № 2, стр. 7—31.

История Второго морского союза представлена в эпиграфических источниках настолько разнообразно и подробно, что позволяет рассмотреть различные стороны его жизнедеятельности в разные периоды существования ⁴.

В первой трети IV в. до н. э. Афинское государство сделало три попытки к своему возрождению в качестве морской державы, прежде чем ее усилия увенчались успехом — созданием Второго Афинского союза. Первым шагом на этом пути была деятельность Конона в 394—392 гг. до н. э., который, официально находясь на службе персидского царя, содействовал возрождению Афин. Значение его деятельности, скорее стихийной, заключалось прежде всего в том, что он вывел Афины из состояния растерянности и апатии после Пелопоннесской войны и положил начало новому афинскому флоту. Экспедиция Фрасибула, более короткая во времени (389—388 гг. до н. э.) и более успешная по результатам, была уже планомерным и хорошо продуманным мероприятием Афинского государства, рассчитанным на восстановление Афинской архе в границах 412—411 гг. до н. э. Примечательно, что уже на этом этапе Афины — как это можно видеть по надписям в честь жителей Карпафоса — 393 г. до н. э. (Tod, № 110) и в честь жителей Клазомен — 387 г. до н. э. (Tod, № 114) — делают установку на провозглашение новых принципов в своих взаимоотношениях с союзниками. Несмотря на то, что оба периода были кратковременны, они являлись значительными вехами для формирования Второго союза. Однако почти все эти достижения были сведены на нет Анталкидовым миром 386 г. до н. э., который фактически запретил всякие объединения, кроме Пелопоннесского союза. Анталкидов мир, с одной стороны, остановил на некоторое время афинские внешнеполитические успехи, с другой — вызвал стремление греческих полисов группироваться вокруг Афин против притязаний Спарты. И, наконец, третий этап — период заключения отдельных двусторонних равноправных симмахий — военных союзов Афин с эгейскими полисами, положивших в основу принцип *αὐτονομίας καὶ ἐλευθέρου εἶναι*. Таковы, союзы с Хиосом 384 г. до н. э. (Tod, № 118), Византием 378 г. до н. э. (Tod, № 121), Митиленой и Фивами (IG, II², 40), Родосом, Метпмной 378/7 г. до н. э. (Tod, № 122).

В 378/7 г. до н. э. эти отдельные симмахии сливаются в единую и образуют Второй Афинский морской союз, обещавший стать чрезвычайно гармоничным построением, настолько были продуманы и предусмотрены, казалось, основы этого объединения, зафиксированные в одном из самых значительных и интересных эпиграфических документов IV в. до н. э. — так называемом декрете Аристотеля, который представлял собой конституцию Второго союза (Tod, № 123). Второй Афинский морской союз базирувался на основном постулате Анталкидова мира и формально был направлен против агрессии Спарты: *ὅπως ἂν Λακεδ[αμό]νιαι ἴωσι τοὺς Ἑλληνας ἐλευθ[ε]ροὺς [κα]*

⁴ Из основных работ, посвященных Второму Афинскому союзу нужно назвать следующие. Первым большим исследованием была работа Г. Бузольта, который и дал это название Второй Афинской морской союз объединению греческих полисов (G. B u s o l t, Der Zweite athenische Bund, «Jahrbücher für Klassische Philologie», Suppl. VII, 1873—1875). Эта работа была очень основательно переработана. Г. Свобода в разделе *Symmachiai* уделил гораздо больше внимания Второму Афинскому морскому союзу, чем Первому Афинскому и Пелопоннесскому союзам (G. B u s o l t, H. S w o b o d a, Griechische Staatskunde, München, 1926, стр. 1360—1389). Эта работа и по сей день остается основным справочным изданием. Труд Ф. Г. Маршалла служит скорее конспективным очерком истории Второго союза и тщательной сводкой источников (F. H. M a r s h a l l, The Second Athenian Confederacy, Camb., 1905). Последняя общая работа по этой теме — книга С. Аккаме «Афинский союз IV в.», в которой исследуются преимущественно источниковедческие вопросы; автор привлекает новые эпиграфические материалы, предлагая свои восстановления и толкования (S. A c c a m e, La lega ateniese del sec. IV A. C., Rome, 1941). См. также P. C l o c h è, La politique étrangère d'Athènes de 404 à 338 av. J. Ch., P., 1934; G. G l o t z, Histoire grecque, III, P., 1941; Cl. M o s s è, La fin de la démocratie athenienne, P., 1962. В русской историографии специальных работ по этой теме нет. Лишь в работе Е. Миллдор в связи с исследованием произведений Исократ косвенно освещена история Второго Морского союза (Е. М и л л и о р, Исократ и Второй Афинский морской союз, «Ученые записки Ленинградского гос. ун-та», № 39, серия истор. наук, вып. 4, 1939, стр. 89—134).

αὐτονομίους ἡσυχίαν ἄγειν («Для того, чтобы лакедемоняне дали возможность эллинам жить в спокойствии свободными и автономными» (сткк. 9—11).

Эти федеральные установки были подтверждены рядом пунктов, которые должны были гарантировать союзников от пороков Первого союза: ... ἐξείναι αὐ[τ]ῶν ἐλευθέρῳι ὄντι καὶ αὐτονομῳι, πολιτ[ευομέν]ῳι πολιτείαν ἢ ἂν βούληται, μήτε [φρουρ]ἂν εἰσδεχόμενοι μήτε ἄρχοντα ὑπο[δεχ]ομένῳι μήτε φόρον φέροντι... «тот (т. е. пожелавший демок — тис, стк. 15) может... стать союзником афинян и их союзников, оставаясь свободным и автономным, имея ту форму правления, какую желает, не впуская к себе гарнизона, не допуская над собой правителя, не внося подати...» (сткк. 19—23).

Завершал эту систему предохранительных мероприятий торжественный отказ Афин от права энтесиса на территории союзников, т. е. отказ от владения как частной, так и государственной земельной собственности (сткк. 25—31); последнее можно было трактовать и как отказ от системы клерухий. Все эти меры должны были гарантировать членам Афинского союза политическую, юридическую и экономическую независимость. Таким образом, декрет Аристотеля является венцом и логическим завершением политики Афин начиная с 395 г. до н. э. Новая система взаимоотношений несла в себе и сулила много преимуществ, что, естественно, способствовало быстрому разрастанию Второго союза, и к 371 г. союз насчитывал в своем составе 75 членов. Он распространялся главным образом по направлениям основных торговых путей на север — в Понт, на юг — к берегам Малой Азии, на запад — к Сицилии.

Однако уже через 10 лет после своего возникновения Второй Афинский союз утрачивает прогрессивный характер, отношения равенства между Афинами и союзниками исчезают, и это объединение, носившее до некоторой степени федеративную окраску, перерождается и превращается не просто в организацию под гегемонией Афин, а в своеобразную афинскую архе IV в. до н. э. со всеми ее пороками. Причина такого перерождения кроется в самой природе греческого полиса, развитие которого порождает стремление к расширению, в частности, за счет себе подобных и неизбежно приводит к экономическому и политическому поглощению сильным полисом более слабых. Внутренний кризис, переживаемый Афинами, еще больше обостряет и ускоряет этот процесс.

Эпиграфический материал, относящийся к этому периоду, а именно к 60—50-м годам, дает возможность подробно проследить все этапы перерождения Второго союза в Афинскую архе IV в. до н. э. Первые признаки недовольства союзников и их подозрения, вызванные действиями Афин, отразились в афинском декрете в честь митилеян, 369—7 г. (Tod, № 131). Политика проведения обособленного от Второго союза внешнеполитического курса и заключение Афинами отдельных симмахий прослеживается в договоре о союзе с Дионисием Сиракузским — декрет в честь Дионисия и его сыновей от 368 г. (Tod, № 133), в договоре о союзе Афин с Дионисием в 367 г. (Tod, № 136); в декрете о союзе с Аминтой в 375—3 г. (Tod, № 129); в союзе Афин с Фессалией в 361 г. (Tod, № 147); в декрете о союзе с пелопоннесскими государствами в 363/4 г. (Tod, № 144). Попытку расширить сферу афинского влияния в пределах Малой Азии можно усматривать в декрете в честь Стратона, царя Сидона, об установлении опознавательных знаков около 367 г. (Tod, № 139).

Снова имеет место открытый захват чужих территорий и возобновление системы клерухий: захват Тимофеем Самоса, Крифота, Сеста, Метовы, Пидны и отправление клерухов на Самос, в Сест, в Потидею; декрет об отпадении партии афинских клерухов в Потидею в 361 г. (Tod, № 146). Возрождение идеи панэллиннизма прослеживается в декрете, касающемся отношений с персидскими сатрапами 362—1 г. (Tod, № 145). О первых восстаниях и отпадении союзников в 362 г. чрезвычайно подробно рассказано в декрете об отношениях Афин с кеосским городом Юлисом (Tod, № 142). Декрет о союзе Афин с фракийскими царями от 357 г. свидетельствует как о попытках восстановить во Фракии свое влияние, так и о принудительной системе сбора синтаксиса (Tod, № 151). Новое, насильственное присоединение Эвбеи к союзу и превентивные меры Афин против возможных восстаний союзников отражены в декрете о союзе Афин с эвбейскими городами от 357—6 г. (Tod, № 153) и в декрете того же года, направленном

против потенциальных врагов Эретрии (Tod, № 154). Об отступлении Афин от исконных демократических традиций ради осуществления своих великодержавных интересов можно судить по декрету о союзе Афин с пелопоннесскими государствами в 362—1 г. (Tod, № 144) и по поведению афинского стратега на Коркире.

Анализу наиболее интересных из перечисленных эпиграфических документов, которые освещают лишь одну сторону процесса превращения Второго союза в своеобразную архе IV в. до н. э., а именно, динамику взаимоотношений Афин с союзниками от первых, глухих еще, косвенных признаков недовольства со стороны союзников до открытого восстания на Кеосе и, как следствие этого, жесткие превентивные меры Афин против потенциального возмущения союзников и отпадения их от союза, уделяется более пристальное внимание.

В 60-х годах IV в. до н. э. Афины стали сильнейшим государством Греции. Этот последний в истории Афин внешнеполитический расцвет знаменовался отказом от всех принципов, положенных в основу Второго союза, поправкам всех своих обещаний и гарантий, что естественно вело к постепенному его распаду. Внешняя политика Второго союза превратилась во внешнюю политику самих Афин, проводимую зачастую вопреки воле и желанию его членов. Расхождение интересов между партнерами (Афинами и союзниками) проявилось впервые после включения в состав Второго союза пелопоннесских государств в 371 г. и особенно после заключения союза между Афинами и Спартой в 369 г., который положил конец смыслу и цели существования Второго союза. Эти действия можно было расценивать как попытку Афин стать гегемоном всей Греции и как одно из первых проявлений афинского великодержавного духа⁵. Вмешательство Афин в сложные взаимоотношения на Пелопоннесе, а также противостепенная и незаконная, с точки зрения членов Второго союза, симмахия со Спартой (Xen., Hell. VI, 5, 1—3), равно как и действия афинских войск и флота в Фессалии, Македонии и Фракии, где посягательства Афин на Амфиполь имели следствием отпадение от Второго союза Олифской лиги, не могли не породить тревог и подозрений у союзников, и вполне возможно, что все это и было причиной запроса союзников о положении дел во Втором союзе.

Сохранился афинский декрет в честь митиленян (Tod, № 131, стр. 95—98), первая — по порядку записи, но не по времени — часть которого была принята в марте 367 г. (сткк. 1—34), а вторая, сохранившаяся неполностью, — в 369/8 г. (сткк. 35—60)⁶. Эта надпись, как нам кажется, отражает все сложности внешнеполитической обстановки: с одной стороны, это один из первых сигналов недоверия со стороны союзников, с другой, — косвенное выражение недовольства Спартой самими афинянами.

В начале 367 г. в Афины прибыли послы с Лесбоса (стк. 9), очевидно, чтобы получить объяснения по поводу международной политики Афин. Их встретили со всей предупредительностью; митиленянам, по-видимому, руководителям объединенного посольства, было оказано особое внимание, вполне понятное, если вспомнить роль Митилены как значительного островного полиса и как одного из первых организаторов Второго союза. Помимо традиционных форм гостеприимства и похвал за заслуги перед афинским народом⁷, афинский декрет обещал послам из Митилены в случае надобности прием в совете и народном собрании в первую очередь (сткк. 16—18). Далее дается распоряжение записать постановление на стеле и выставить ее в акрополе (сткк. 19—20). На эту же стелу следует записать и другую псефисму, содержащую ответ послам Митилены во главе с Гиеройтом, т. е. очевидно, именно то, что составляло вторую несохранившуюся часть декрета, предложенного Каллистратом (сткк. 20—23). Затем приглашаются на обед в пританей афинские послы, отправленные в Митилену, и синедры от городов Лесбоса, а именно: Митилены, Метимны, Антиссы,

⁵ Busolt — Swoboda, ук. соч., стр. 1372—1373; Clough, ук. соч., стр. 110; Mossé, ук. соч., стр. 416.

⁶ Marshall, ук. соч., стр. 84; Assaume, ук. соч., стр. 108—109.

⁷ Данный декрет составлен по такой же формуле, как и декреты в надписях Tod, №№ 114, 122, 124, 126 и др.

Эрессоса и Пирры, на угощение (сткк. 24—31)⁸. Обедая в пританее были удостоены также и послы, отпавленные на Лесбос, Автолик, Тимоног и Аристопейт, причем предложение об этом исходило от одного из послов, а именно от Автолика (сткк. 31—34).

Второй декрет на этой же стеле, принятый по предложению Каллистрата, датирован предыдущим 369/8 г. до н. э. (стк. 35). Поскольку он сохранился нецелостно, его анализ вызывает некоторые затруднения. Очевидно, в нем речь идет об объяснении или, скорей, оправдании афинской внешней политики, которое давал афинский государственный деятель всем союзникам, обращаясь к послам лесбосских городов⁹. После слов похвалы в адрес митилениа за участие в прошлой войне прибывшим послам ответили, что «афиняне воевали за свободу эллинов, и так как лакедемоняне вопреки клятвам и договорам пошли походом на эллинов, митилениа и сами помогали против нарушивших соглашения и призвали других союзников оказывать афинянам должную помощь, оставаясь верными клятве» (сткк. 40—50). Вполне вероятно, что авторы декрета хотели напомнить союзникам и свою центральную роль в освобождении от спартанского ига и польстить одному из значительных членов Второго союза — Митилене. Дальнейший текст плохо сохранился. В декрете афиняне проскальзывают нотки недовольства Спартой. Иначе зачем, спустя короткое время после заключения в 369 г. симмахии с Неоу, открыто упрекать лакедемонян в нарушении ими заключенных когда-то (до 371 г.) соглашений. Но главное, несогласованность действий Афин с союзниками в проведении внешней политики вызвала у последних большую тревогу и по всей вероятности данный декрет служил целям не только оправдания перед союзниками, но и усиления их подозрительности. Афины пытались смягчить неприятные впечатления союзников от своих великодержавных устремлений и той чрезмерной самостоятельности в международных отношениях, которая шла в разрез с принципами Второго союза.

Приход к власти в 366 г., после осуждения Каллистрата и его политики компромиссов, партии крайней демократии во главе с Тимофеем ознаменовал новый период в истории не столько Второго союза, сколько самих Афин. Усилившаяся деятельность Афин в Эгейском бассейне принципиально отличалась от их действий в ранний период существования Второго союза. Понимая, что авторитет Афин во Втором союзе сильно упал, афиняне вынуждены были принять энергичные меры для упрочения своего престижа. Именно в это время устанавливается практика заключения Афинами сепаратных международных договоров без участия в них членов Второго союза, а иногда и вопреки их воле. В довершение всему Афины встали на путь открытого захвата чужих территорий. На первых порах это принесло большие успехи, снова возродило надежды на возврат былого могущества¹⁰.

Так, в 366—362 гг. им удается компенсировать в Эгееде и на Фракийском побережье потери союзных территорий предшествующих четырех лет. Таким образом, внешняя политика во имя союза превратилась в политику самих Афин. Такая агрессивность, или, как называет ее К. Моссе, такой империализм во внешней политике Афин, была вызвана необходимостью обеспечивать расходы на существование самой демократии в виде раздачи и оплаты и компенсировать огромные военные траты¹¹.

Летом 366 г. Тимофей начал кампанию против Самоса, которую можно рассматривать как акцию, направленную против Персии, и взял его после 10-месячной осады, а после захвата Самоса Афины вернулись к системе клерухий, осужденной и запрещенной уставом Второго союза, тем самым пренебрегая общественным мнением как союза, так и всей Греции. Все вытекающие последствия подобной политики Афин, как-то: пренебрежение своими союзниками, насильственное вовлечение новых членов союза, принудительное взимание синтаксиса; самостоятельность действий и усиление

⁸ Упоминание синедра Пирры — единственное надежное свидетельство членства Пирры во Втором союзе. Оно подтверждает правильность восстановления названия Пирры в декрете Аристотеля (А с с а м е, ук. соч., стр. 83).

⁹ M a r s h a l l, ук. соч., стр. 84; T o d, ук. соч., стр. 97.

¹⁰ G l o t z, ук. соч., стр. 169.

¹¹ M o s s é, ук. соч., стр. 401—415, 253.

личной власти стратегов, отделение военной власти от гражданской и преобладание первой над второй, возобновление системы клерухий — все это ставило Афины и Восточный Афинский морской союз в 60-е годы IV в. до н. э. в ситуацию, схожую с положением дел в Афинской архе перед Пелопоннесской войной, «но в условиях более трудных и трагичных»¹².

Такая, уже не прикрытая никаким флером конституционных установлений, позиция Афин вызвала естественную реакцию противодействия со стороны союзников, глухое недовольство которых, проявившееся в упомянутом выше запросе митления, перерастает теперь в открытое нежелание состоять в союзе. И вот в пору наивысших военных успехов Афин начинаются волнения в самых разных частях Второго Афинского морского союза: на Западе — в Коркире, в проливах — в Византии, Калхедоне и Кизике, в Эгейском бассейне — на острове Кеос. С выходом в 361 г. из союза Коркиры Афины теряют свои позиции в Ионийском море. Виновиком этого события является Харес, который вмешался во внутреннюю межпартийную борьбу между демократами и олигархами, приняв сторону последних (Diod., XV, 95, 3; Dem., XXIV, 202; XVIII, 234; Aeneas Tact., XI, 13). Естественно, это усилило недовольство всех союзников, поскольку в действиях Хареса было сразу два неблагоприятных с точки зрения членов союза мотива — вмешательство вопреки конституции во внутренние дела автономного полиса и поддержка олигархов. Такая же тенденция, свидетельствующая о том, что в своих великодержавных претензиях Афины отступают от исконных демократических традиций, проявилась и в 362/1 г. в договоре Афин о симмахии с олигархическими правительствами пелопоннесских государств (Tod, № 144).

Не слишком надежно было положение Афин в проливах, если Византий, один из старейших членов союза, совместно с Кизиком и Калхедоном решились на наложение эмбарго на афинские хлебные суда (Dem., V, 6). Но, очевидно, самым тяжким испытанием для Афин было восстание на Кеосе. Возможно, одной из причин, вызвавшей восстание, были поборы под видом снтаксиса. Восстание на Кеосе — пример упорного и длительного сопротивления союзников насильственной политике Афин. История сохранила немного свидетельств, касающихся этого периода, и тем более ценным представляется большой эпиграфический документ — афинский декрет о событиях на Кеосе, датируемый весной 362 г. (Tod, № 142, стр. 125—132)¹³. Он был принят по предложению Аристофона, который привел Кеос к полному подчинению и возвращению в лоно Второго союза. Данный декрет интересен, кроме всего прочего, еще повествовательным характером, редким для эпиграфических документов, поскольку сложная история пертурбаций на Кеосе уместилась в этой большой надписи. Восстание на Кеосе, т. е. отпадение его от Второго союза, судя по надписи, развивалось двумя этапами¹⁴.

Очевидно, при появлении в Эгейском море флота Эпаминонда в ряде городов на Кеосе и в первую очередь в Юлисе верх взяли профиванские элементы (Diod., XV, 79, 1—2; Isocr., V, 53). Они установили связи с Фивами и их союзниками¹⁵. На Кеосе начались межпартийные разногласия, которые вылились в восстание против Афин и привели остров к отпадению от Второго союза. В Юлисе неким Антипатром был убит афинский проксен А. айспон, сторонники Афин были изгнаны с острова и бежали в город своих покровителей (сткк. 44, 50). В Афинах стратеги кеосского города Юлиса — Сатирид, Тимоксен и Мильтиад, нашедшие там себе среди других приятю, выступили обвинителями Антипатра на процесе, «когда афинский совет приговорил его к смерти

¹² Mossé, ук. соч., стр. 415—416.

¹³ Marshall, ук. соч., стр. 97; Assame, ук. соч., стр. 240.

¹⁴ Marshall, ук. соч., стр. 97; Busolt — Swoboda, ук. соч., стр. 373, прим. 5; Cloché, ук. соч., стр. 127 сл.; Glotz, ук. соч., стр. 190—191; Assame, ук. соч., стр. 240.

¹⁵ Известен декрет около 364—362 гг. о договоре экономического характера, касающийся вопросов экспорта и импорта и устанавливающий взаимное право гражданства между Кеосом и Гестией, союзницей Фив (Tod, № 141, стр. 123—125; Marshall, ук. соч., стр. 97, прим. 1; Glotz, ук. соч., стр. 170, прим. 53).

заочно как убийцу афинского проксена А. айсиона, вопреки постановлению афинского народа и как преступника против союза» (сткк. 36—41).

Но Хабрий привел город к повиновению, мятежники-профиванцы были в свою очередь изгнаны. С кеосцами был заключен новый договор, причем Хабрий приносил клятвы как от лица афинян, так и возвращенных на остров кеосцев, т. е. своих ставленников. Но как только Хабрий покинул Кеос, начался новый, еще более ожесточенный этап восстания. Бежавшие из Юлиса мятежники, очевидно, самые ярые противники Афин, уже известные как участники войны против афинского и кеосского народа и остальных союзников, и за это заочно осужденные, вернулись на Кеос и уничтожили как свидетельство победы Хабрия, так и его сторонников, о чем подробно рассказывает надпись, соединив оба этапа восстания (сткк. 27—37). «А так как те из юлийцев, нарушивших клятвы и договоры, начавших воевать против афинского народа, кеосцев и остальных союзников, приговоренные (заочно) к смерти, вернувшись на Кеос, опрокинули стелы, на которых были записаны договоры с афинянами и имена нарушавших клятвы и договоры, и одних из друзей афинского народа, которых возвратил народ, убили, других (заочно) приговорили к смерти и конфисковали имущество, вопреки клятвам и договорам, а именно — Сатирида, Тимоксена и Мильтиада».

Но, очевидно, не все города Кеоса отпали от союза, верность Афинам сохранил город Карфея, где остались нетронутыми стелы (стк. 23), за что этот город был восхвален в декрете (стк. 54). Афины приложили все силы, чтобы подавить восстание и вернуть остров в лоно Второго союза. Оно было подавлено Аристофоном из Азении¹⁶. Афины, подавив восстание, обошлись с мятежным Юлисом довольно мягко. Они снова поставили у власти своих приверженцев из тех, которые эмигрировали в Афины и все дела вели через этих «правителей». Новые власти охотно шли на все афинские требования и в том числе на признание за Юлисом долгов (сткк. 5—11): «Так как юлийцы, которых афиняне возвратили, признают, что город юлийцев должен городу афинян три таланта из рассчитанной суммы по псефисме афинского народа, предложенной Менексеном, народ постановил, чтобы юлийцы отдали афинянам эти деньги в месяце Скирофорпоне у архонство Хариклида». В случае задержки платежа назначалась специальная комиссия, избранная из представителей афинских граждан для взыскания этой суммы с помощью пяти стратегов — граждан Юлиса (сткк. 11—17). «Если они не отдадут в назначенное время, пусть взыщут с них назначенные народом для взыскания задолженных островитянами денег любым способом. Пусть взыскивают с ними и стратеги юлийцев».

Вполне вероятно, что означенные три таланта являлись недоимкой по невыплаченному во время восстания синтаксису. Если принять эту гипотезу, то именно такие участвовавшие случаи неплаты синтаксиса вызвали необходимость в создании специального органа — комиссии, которая взимала задолженность с членов союза — островитян — по особому постановлению афинского народа (сткк. 12—14). Были восстановлены договоры, продиктованные после подавления Хабрием первого этапа восстания, и контроль за исполнением всех распоряжений был возложен на юлийских стратегов и именно на тех, которые должны были помогать афинской комиссии взыскивать долги. Так впервые появляется тенденция, имевшая место и в дальнейшем, делать самих союзников сопричастными и разделяющими ответственность во всех неприятных для Афин делах, и надпись так повествует об этом (сткк. 17—22): «Для того, чтобы и клятвы и договоры, которые заключил стратег Хабрий и которыми он поклялся кеосцам от имени афинян и возвращенных афинянами кеосцев, оставались в силе, пусть запишут юлий-

¹⁶ Аристофон из Азении — известный политический деятель, игравший большую роль в афинской общественной жизни на протяжении многих лет с 403 по 330 год до н.э. (Н у р е г., IV, 28), он предлагал законы, выступал обвинителем против выдающихся лиц, сам был обвинен в *γραφῆ παρανομῶν* (A e s c h., III, 194; Schol. ad Aeschin. I, 64). Аристофон был автором ряда декретов (IG, II², 118, 121, 130, 224, 283), в том числе и вышеупомянутого декрета (T o d., № 142) и, следовательно, он принимал непосредственное участие в разработке условий нового соглашения с Юлисом (стк. 4); в 363—372 гг. Аристофон был назначен стратегом на Кеос, считался проксеном Карфеи (IG, XII, 5, 542, стк. 43) и едва избежал осуждения за свое корыстолюбие во время службы на Кеосе (см. R E., II, 1899, стб. 1005—1007).

ских стратегов, которые назначены по псефисме для взыскания долгов, на каменной стеле и поставят ее в храме Аполлона Пифийского». Самые строгие меры наказания применялись только к наиболее злостным участникам восстания, именно к тем, кто опрокинул стелы и казнил или изгонял афинских ставленников. По декрету предписывалось «изгнать их с Кеоса и из Афин и имущество конфисковать в пользу юлийцев» (сткк. 41—42). Часть репрессий Афины поручали применять самим кеосцам и для выявления особо опасных лиц было дано распоряжение, «чтобы юлийские стратеги, проживающие в Афинах, тотчас записали имена их (т. е. преступников) в присутствии секретаря совета» (сткк. 42—45).

Однако юлийцам — и в этом следует усмотреть известную гибкость афинской союзнической политики — было дано право опротестовать занесение их в списки преступников на Кеосе или даже в Афинах, которые брали на себя функции *ἡ ἐκκλησία πᾶσις* (сткк. 45—49): «Если же кто-либо из занесенных в списки будет утверждать, что он не относится к числу этих людей, ему позволяется, представив поручителей перед стратегами юлийцев, в течение 30 дней судиться (т. е. подвергнуться суду *δίκης [π]ροσχεῖν*) согласно клятвам и договорам на Кеосе и в Афинах — *[ἐν τῇ ἐκκ]λήσει [π]ροσχεῖν Ἀθήνῃσι*.

Неоднократные упоминания в декрете *Ἰουλιῆται* (стк. 5) и *Κεῖον σὺς κατήγαγον Ἀθήνας* (сткк. 19, 30, 70), знаменуют как сложную внешнеполитическую обстановку на всем острове, так и тот глубокий социальный и политический кризис кеосских полисов, когда партийные противоречия внутри гражданского коллектива разрешаются гражданской войной. О наличии гражданской войны на Кеосе, помимо восстания и отпадения от Второго союза, свидетельствует много раз подчеркнутое противопоставление одних жителей Кеоса другим — сторонникам и ставленникам Афин, которые упоминаются всегда наряду (т. е. в одном лагере) с афинянами и союзниками. О партийных расприх на острове, принудительном возвращении Кеоса в союз и вообще неблагоприятном положении во Втором союзе свидетельствуют клятвы, которых в декрете три: клятва афинских стратегов и союзников кеосским городом (сткк. 57—69); ответная клятва кеосских городов афинянам, союзникам и тем кеосцам, которых возвратили афиняне, т. е. ставленникам Афин (сткк. 69—81); отдельно выделена клятва кеосцев — ставленников Афин, но она почти не сохранилась и, очевидно, в ней содержались обещания не применять на острове репрессий (стк. 82—...).

Клятвы эти чрезвычайно конкретны и актуальны для каждой стороны, в отличие от идентичных двусторонних клятв раннего периода Второго союза (ср. *Тод, №№ 101, 118, 121, 122, 127, 147*). В первой клятве, данной от лица афинских стратегов, очевидно, фактических усмирителей восставших, а не от имени афинского народа, и от лица союзников (что вообще редко на этом этапе существования Второго союза), можно усматривать скрытую цель — сделать всех членов объединения сопричастными такому событию, как возвращение восставших в лоно союза; кроме того, участие союзников в принесении клятв как бы подкрепляло все союзные обязательства. При этом интересно отметить, что конкретные карательные меры, как штраф и судебные процессы, Афины берут исключительно на себя.

О насильственном восстановлении Кеоса во Втором союзе свидетельствуют обещания «не помнить зла» (т. е. мстить, сводить счеты), данные в клятве стратегами и союзниками и, надо думать, косвенно адресованные и другим членам союза, в надежности которых у афинян были все основания сомневаться. И Афины, желая сохранить в целости свое объединение, стремились не отпугнуть восставших и вновь покоренных союзников суровостью своих мер, но привлечь их к себе обещанием определенных гарантий (сткк. 57—62). «К такому соглашению пришли и такую клятву принесли стратеги афинских городов на Кеосе, а также союзники: «Не буду помнить злом никого из преступивших (закон) перед кеосцами, не убью и не отправлю в изгнание никого из кеосцев, остающихся верными этим клятвам и договорам, а приму их в союз на тех же основаниях, что и других союзников»¹⁷. Предупреждение афинян о недопустимости таких пе-

¹⁷ Обещание ввести в союз «на тех же основаниях», вероятно, по мысли авторов декрета должно было напомнить союзникам давно забытые постулаты конституции

реворотов на Кеосе можно расценивать как косвенное предостережение в адрес всех членов Второго союза (сткк. 62—64): «Если кто-либо замыслит переворот (ὑποστρέψῃσι) на Кеосе вопреки клятвам и договорам, всеми средствами и способами по возможности будут препятствовать этому».

Декрет об отношениях с Юлисом — красноречивое свидетельство того, что Афины вынуждены прибегать к способу, так сказать, кнута и пряника. Именно так надо рассматривать следующий пункт клятвы афинян — разрешение, данное кеосцам, выбирать любое место жительства, но обязательно на территории Второго союза и право перевести туда свое имущество (сткк. 64—66): «Если кто не пожелает жить на Кеосе, позволю ему поселиться, где он захочет в союзных городах и пользоваться своим имуществом». Это ограниченное разрешение поселяться в любом полсе и возможность вывезти туда свое имущество касалось прежде всего оппозиционных элементов. Такая мера должна была предотвратить бегство жителей с Кеоса во враждебные Афинам города и воспрепятствовать утечке материальных ценностей из пределов Второго союза¹⁸. Она особенно разительна по сравнению с декретом Аристотеля, в котором любое, даже устное, выступление против принципов союза рассматривалось как посягновение подорвать единство союзников, наказывалось атимией, конфискацией имущества, изгнанием за пределы союза и даже смертным приговором (T o d, № 123, сткк. 51—63). Отступление от суровости первоначальных установок конституции союза служит показателем переживания Второго Афинского морского союза.

Вторая клятва — клятва кеосских городов афинянам, союзникам и проафинским элементам на острове — вновь демонстрирует признаки кризиса и начавшегося процесса распада Второго союза. Это видно и из попыток Афин любой ценой сохранить целостность объединения и в том подчинении всего острова лицам, поставленным Афинянами, которое никак не завуалировано. Кеосцы вынуждены были дать клятвы не участвовать в возможных восстаниях (сткк. 71—73): «Буду состоять в союзе с афинянами и союзниками и сам не отпаду от афинян и союзников и не буду поддаваться убеждению другого по мере сил». Бессилие и покорность кеосцев чувствуется и в обещании «не обижать» прежде всего насильно поставленных Афинянами людей и других партнеров по клятве (сткк. 75—79): «Если кто посмеет поступить несправедливо в отношении вернувшихся из кеосцев или афинян или кого-либо из союзников вопреки клятвам и договорам, всеми средствами и способами буду препятствовать этому и буду помогать поспешно и по возможности (= как смогу)». Дальнейшее участие Кеоса в союзе зависело исключительно от влияния и силы афинских ставленников и поэтому Афины стремились, во-первых, гарантировать безопасность своим «кадрам» на Кеосе и наделить их всей полнотой власти. Из декрета явствует, что афиняне восстанавливали своих сторонников во всех правах и всячески поощряли их верность Афинам. Так, приговоренные мятежниками к смерти и конфискации имущества и нашедшие прибежище в Афинах по афинскому декрету возвратились на Кеос и получили обратно свое имущество (сткк. 49—51): «Пусть Сатирид и Тимоксен и Мильтиад возвращаются на Кеос и владеют своим имуществом». Ряду лиц, прибывших из Юлиса, и вышеназванным изгнанникам из Кеоса, как и жителям Карфеи, воздается хвала (сткк. 51—55). Однако несмотря на относительную мягкость, проявленную к восставшему Кеосу, Афины существенно стеснили в правах своего новообращенного союзника — они ограничили юридическую независимость острова. В целях контроля над Кеосом и его политической обстановкой Афины потребовали, чтобы все крупные имущественные (свыше ста драхм), т. е. затрагивающие интересы афинян, процессы и жалобы предъявлялись к суду в Афинах (сткк. 45—49, 73—75): «Все процессы и жалобы, направленные против афинян, превышающие

союза — T o d, № 121, сткк. 7—8 (союз с Византием); T o d, № 122, стк. 23 (союз с Метимной); T o d, № 123, стк. 24 (декрет Аристотеля). Однако в современной обстановке эти обещания носили чисто формальный характер, что понимали обе стороны, и афиняне и их союзники.

¹⁸ T o d, ук. соч., стр. 130.

100 драм, буду представлять перед вызванными для решения государственных дел» (т. е. в Афинах)¹⁹.

Этот отрывок надписи интересен еще и как наглядный пример превращения частного случая апелляции в Афины (сткк. 45—49) в обобщенный закон, в жесткий диктат афинской юрисдикции для союзников. Таким образом, после 362 г. Кеос имел право на рассмотрение только второстепенных дел. Примерно в это же время ограничение юридической независимости, что по существу являлось вмешательством во внутренние дела союзников и отступлением от принципов союза, имело место и на Наксосе, если считать, что этот остров после завоевания его Хабрием вошел во Второй союз²⁰. Декрет, касающийся отношений Афин с Юлисом и всем Кеосом является полной и достоверной иллюстрацией той эволюции, которая произошла как со Вторым Афинским морским союзом, так и с самими Афинами. Переход Афин на путь великодержавности в духе V в. до н. э. имел неизбежным следствием вмешательство Афин во внутренние дела союзников и их ответное возмущение.

Политика Афин на Херсонесе Фракийском одновременно демонстрирует упорное стремление Афин любой ценой продолжать империалистическую политику при отсутствии достаточных военных сил и финансов, неразборчивость в средствах проведения этой политики и опасения, что все их усилия окажутся эфемерными, поскольку возвращение Херсонеса Фракийского в лоно Второго союза ненадежно как из-за угрозы со стороны фракийских царей, так из-за возможного восстания самих херсонесцев.¹

После долгих и трудных афино-фракийских столкновений, военных и дипломатических, Харесу в конце 375 г. удалось заключить соглашение с Керсеблептом и его наемником Харидемом, по отзыву Демосфена, «самое лучшее и справедливейшее» (Dem., XXIII, 173), фрагмент надписи которого дошел до нас (Tod, № 151, стр. 151—154). Договор этот, хотя и давал Афинам некоторые преимущества, являлся не результатом победы афинского оружия, но скорее компромиссом, основанным на взаимном признании прав на некоторые фракийские территории и взаимных услугах. Очевидно, Афины, равно как и фракийские цари, были рады на таких приемлемых условиях избавиться, хотя бы временно, от фракийских неурядиц, чтобы бросить все силы против вставших союзников, так как началась Союзническая война²¹.

По договору во Фракии, разделенной на три области, воцарился трое правителей: Керсеблепт²², Амадок²³ и Берисад²⁴; Херсонес, за исключением Кардии, оставшейся в

¹⁹ ἡ ἐκκλητὸς πόλις и ἐκκλητὶ δίκαια по Гесихию αἰ ἐπὶ ξένῃς λεγόμεναί καὶ οὐκ ἐν τῆι πόλει. Этот термин был известен уже в VI в. (Tod, № 1, стк. 21, конституция Хиоса) и в V в. до н.э. (Tod, № 32, стк. 15). По мнению Мейера (Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, т. V, стр. 382 сл.) первоначально в случаях недоразумений между Афинами и союзным городом суд передавался на арбитраж в третий город (ἐκκλητὸς), но после 363 г. Афины потребовали себе полномочий ἐκκλητὸς πόλις. Маршал (ук. соч., стр. 45) полагает, что перенесение судебных процессов по обвинению в мятеже в Афины было правомерным, поскольку в острых и ожесточенных партийных столкновениях истину на Кеосе найти было трудно. Требование же рассматривать судебные дела свыше 100 драм в Афинах английский историк считает действительным ограничением юридической независимости острова. Тод (ук. соч., стр. 130) признает трудность толкования термина и предполагает, что апелляция приговора к изгнанию слушалась в первой инстанции на Кеосе, а решающим был суд в Афинах. Аккаме (ук. соч., стр. 140—141, 240) видит в восстании момент антиафинского движения, т. е. экстраординарный случай, который и потребовал экстраординарных мер. См. также E. S z a n t o, Zur Gerichtswesen der attischen Bundesgenossen, «Athenaeum», XV, 1891, стр. 35; J. N. L i p s i u s, Das Attische Recht und Rechtsverfahren, Lpz, 1905—1915, стр. 955, 967 сл., 975 сл., 1915; B u s o l t — S w o b o d a, ук. соч., стр. 1257, 1358, 1373.

²⁰ Наксос передает Афинам право на ведение определенных процессов (апелляционных процессы, δίκαια ἐφεστιαία, IG, II², 179; M a r s h a l l, ук. соч., стр. 46, 106; A s s a m e, ук. соч., стр. 81, 141).

²¹ F o u s a r t, Les Athéniens dans la Chersonesse, Mem. Ac. Inscript., XXVIII, 1909, стр. 19 сл.; B e l o s c h, Griechische Geschichte, III², I, стр. 219—223.

²² RE, 21, Hb. 1921 стб. 329—330.

²³ RE, I, 1894, стб. 1713.

²⁴ RE, III, 1899, стб. 294.

личном владении захватившего ее Харидема, снова отходил к Афинам, которым удалось осуществить это право *de facto* только через 5 лет — в 352 г. (Dem., XIII, 171—78; о Кардии: [Dem.], VII, 42; Isocr., VII, 221).

В сохранившейся части договора о союзе с фракийскими царями определялись фискальные отношения. Обе стороны обещали помогать друг другу в сборе податей в городах, принадлежавших ранее Афинам, а затем отторгнутых Котисом и Харидемом (сткк. 4—19). «Что касается городов, которые записаны на стелах в качестве платящих форо́с Берисаду или Амадоку, или Керсеблепту и являются данниками афинян, то если эти города не отдадут афинянам форо́с, пусть Берисад и Амадок и Керсеблепт добьются этого по возможности. И если почему-то эти города не отдадут форо́с Берисаду или Амадоку или Керсеблепту, пусть афиняне и те из архонтов, которые всегда с войском, добьются этого по возможности»²⁵. Фракийские цари должны были собирать синтаксис, называемый здесь форо́с (стк. 8), для Афин, для правителей же Фракии дань обязывались взимать афиняне или их архонты, находившиеся на службе в этих городах. Таким образом, надо полагать, что эти города оказывались под двойным налоговым гнетом. Последующий раздел подтверждает, как нам кажется, двойное обложение городов и разъясняет, из чего оно состоит. Это подать, которую население уплачивает как старинную дань исконным властителям страны, и взносы союзников: τῶν φόρον τῶν πατρίων καὶ Ἀθηναίους τὴν σύνταξιν. Греческим городам в Херсонесе, после того как они выплатят этот двойной налог, был обещан союз с Афинами и фракийскими царями на условиях ἐλευθερίας εἶναι καὶ αὐτονομίους — терминологии, редко употребляемой в эпиграфических документах с тех пор как Афины стали на путь наступательной политики в духе афинской архе (сткк. 14—19): «Эллинические города в Херсонесе, платящие Берисаду, и Амадоку, и Керсеблепту подать, установленную предками, а афинянам синтаксис, становятся свободными и автономными и союзниками афинянам, как поклялись и Берисаду, и Амадоку, и Керсеблепту». Условия, на которых предлагается συνταξία, предполагают вступление, или, вернее, восстановление фракийских городов на Херсонесе во Второй союз. Однако в обстановке напряженных отношений во Фракии, в обстановке всеобщего недовольства союзников это было вряд ли осуществимо.

Договор с фракийскими царями не обеспечивал Афинам политического и фискального суверенитета²⁶, а вся ситуация на Херсонесе Фракийском таила в себе возможную опасность как со стороны фракийских царей — контрагентов соглашения, так и со стороны Харидема, который, владея Кардией, занимал ключевую позицию в Херсонесе Фракийском (Dem., XXIII, 181—182). В Афинах понимали шаткость положения в районе Геллеспонта и проливов — оратор Гегесипп тщетно призывал в народном собрании афинский народ заявить свои притязания на Кардию ([Dem.], VII, 42—43)²⁷. Афины, надо полагать, и сами сомневались в верности Херсонеса, так как условливались в случае отпадения городов на этом полуострове о помощи от фракийских царей (сткк. 19—21): «Если какой-нибудь из этих городов отпадает от афинян Берисад, и Амадок, и Керсеблепт помогут, как только дадут знать афиняне. Если же...»²⁸.

Параграф о потенциальном отпадении «эллинических городов на Херсонесе» (стк. 14) звучал особенно актуально в сложившейся к 357 г. во Втором Афинском морском союзе обстановке. Попраание афинянами союзнических прав, иногда вынужденное и продиктованное стремлением Афин сохранить целостность своего союза, открытый захват чужих территорий и возобновление категорически запрещенной союзниками системы клерухий, принудительный сбор синтаксиса, бесцеремонное поведение афинских стратегов, отступление Афин от исконных демократических традиций ради осуществления

²⁵ Упомянутые здесь τῶν ἀρχόντων τοὺς (Ἀθηναίους) αἰεὶ ἐπὶ τῇ δυνάμει ὄντας означали, очевидно, военачальников, которые действовали в этих местах военных действий, а не правителей, поставленных вопреки союзной конституции.

²⁶ Cl o s h è, ук. соч., стр. 143.

²⁷ Cl o s h è, ук. соч., стр. 138—144; Gl o t z, ук. соч., стр. 183—185.

²⁸ ἐάν δε ... (стк. 21—) в несохранившемся далее тексте, очевидно, следовали обязательства, взятые на себя Афинами в отношении фракийских царей.

своих великодержавных интересов — все это вызывало уже не просто рост недовольства среди членов союза, но открытый протест, взрыв, общее восстание.

Первыми решаются на отложение Хиос, Родос и Византий, т. е. основное ядро союза — те самые, «кто первыми» откликнулись на призыв Афин создать общую симмахию (Diod., XV, 28, 3). Но пример расправы Афин с Кеосом послужил уроком и для союзников — они действуют теперь совместно, заручившись к тому же поддержкой внешних сил, а именно тирана Карии Мавсола: так начинается Союзническая война. Несмотря на трудность всей этой обстановки, Афины стараются не отходить от позиций активной наступательной внешней политики. Летом 357 г. им удалось снова вовлечь во Вторую союз Эвбею, которая вышла из него 14 лет назад. Афины, воспользовавшись разногласиями между проафинской и профиванской партиями, вторглись на Эвбею. Обе партии призвали своих покровителей, но Фивы уже не могли быть надежной защитой; с помощью Тимофея победила проафинская группировка, и остров в течение 30 дней был вновь подчинен Афинам (Diod., XVI, 7, 2; Dem., VIII, 74 слл.; XII, 14 слл., XXI, 174; Aesch., III, 85; II, 64; IG, II², 149 — фрагмент афинского декрета этого времени в честь Амферита и Гераклеодора, проафински настроенных граждан Гестиен)²⁹.

О событиях на Эвбее и новом присоединении городов этого острова ко Второму Афинскому союзу известно из двух частично сохранившихся афинских декретов, относящихся к этому времени и принятых по одному и тому же поводу (Tod, № 153, стр. 157—161; № 154, стр. 161—163)³⁰. В дошедшей до нас части первого декрета (Tod, № 153), относящегося к 357/6 г., речь идет об избрании и отправлении 5 афинских послов в Карист для обмена клятвами по поводу заключения союза между Афинами и Каристом³¹. Карист снова стал членом Второго союза. Этот факт подтверждается упоминанием в декрете синедра этого города, которому вместе с послами из Кариста воздана похвала и оказана честь приглашения на угощение в пританей (сткк. 7—10). Оказанные Каристу привилегии, по всей вероятности, отражают положение, сложившееся на острове: проафинскую направленность города, его роль в конфликте между сторонниками Фив и Афин. В другом декрете относительно Эретрии также отмечена эта роль Кариста (Tod, № 154, сткк. 21—23).

Исходя из этого можно предположить, что оплотом Афин в Эвбее были Карист и Эретрия, которые выражали готовность вернуться во Вторую союз, тогда как другие эвбейские города были вынуждены присоединиться к союзу ввиду появления там Тимофея, и, возможно, задача афинских послов, отправленных в Эретрию, Халкидику, Гестию состояла в том, чтобы добиться от этих городов договоров, подобных договору с Каристом, т. е. добиться возвращения в союз всей Эвбеи. Возможно, сложность этого дипломатического поручения была так своеобразно отмечена в декрете (Tod, № 153, сткк. 14—17): «Пусть, казначей выдаст и послам, отправляющимся в Эретрию, Халкидику и Гестию, по 20 драхм каждому. Пусть казначей выдаст и отправляющимся для заключения союза по 10 драхм каждому».

Декрет интересен еще и потому, что он сохранил имена афинских должностных лиц, причастных к этому событию и принимавших эвбейцев в союз (сткк. 19—24). Это имена давно и хорошо известных государственных деятелей и полководцев Афин — клятвы приносят в год архонства Агафокла, что датирует присоединение Эвбеи, т. е. в 357/6 г., совет и стратеги — Хабрий, Харес, Ификрат, Меноп, Филохарес, Экзекестиад, Алки-

²⁹ В e l o s h, Griechische Geschichte, III², 1, стр. 222; II, стр. 258; M a r s h a l l, ук. соч., стр. 101—102; C l o s h é, ук. соч., стр. 144—145; G l o t z, ук. соч., стр. 187—188; A s s a m e, ук. соч., стр. 123, прим. 2; B u s o l t — S w o b o d a, ук. соч., стр. 1375.

³⁰ Tod вслед за Диттенбергером дает им общую датировку 357/6 г. У. Кёлер относит второй декрет к более позднему времени. См. T o d, ук. соч., стр. 163. См. также A s s a m e, ук. соч., стр. 110, 128, 253, 62—64, 123, 139.

³¹ T o d, ук. соч., стр. 161. По мнению У. Кёлера, данный декрет содержал текст нового договора о союзе с Каристом. Tod же считает, что это была только модификация старого договора, заключенного 20 лет назад. Такое заключение не лишено оснований, судя по традиционной форме декрета.

мах и Диокл³². Можно полагать, что самый перечень этих имен свидетельствует о значении, которое Афины придавали факту присоединения Эвбеи. Второй декрет, тоже касавшийся событий на Эвбее в те же годы и непосредственно относящийся к Эретрии, также дошел до нас неполностью (Tod, № 154). Он во многих аспектах представляет большой интерес, в том числе и как свидетельство эволюции Второго союза.

В 357 г. началась Союзническая война, и Афины старались удержать своих союзников не только насильственным путем, но и законодательными мерами. Эретрия, очевидно, была центром наиболее острых столкновений проафинской и профиванской партий и объектом военной интервенции, и Афины, приняв декрет по поводу нападения на Эретрию — и в этом заключается главный смысл и значение данного декрета, — этот частный случай сделали основанием для установления сурового закона, действовавшего в пределах всего союза.

По предложению Гегесиппа (стк. 1, РА 6344, 6345 (?))³³ в Афинах состоялось голосование за принятие декрета о том, чтобы совет представил на рассмотрение народного собрания пробулевму, определяющую наказание вторгнувшимся в Эретрию или в любой другой союзный город (сткк. 6—10): «По поводу тех, кто пошел походом на землю эретрийцев, совету представить на рассмотрение народа пробулевму на первой экклесии, для того, чтобы они понесли наказание согласно договорам». Не довольствуясь одними карательными экспедициями, Афины стремились сохранить целостность уже пошатнувшегося союза и предотвратить впредь отпадение его членов установлением крайней меры наказания за попытку нанести ущерб Второму союзу — смертной казни и конфискации имущества (сткк. 10—15): «Если кто-либо впредь пойдет походом на Эретрию или на какой-либо из союзных городов афинских или союзных с афинянами, приговорить его к смерти, имущество конфисковать и десятину отдать богине»³⁴. В декрете предусмотрены как возможность внутренних или гражданских беспорядков (*ἀσπίς*), так и чужеземного вмешательства (*ξένος*), т. е. случаи, уже имевшие место в практике Второго союза на Кеесе, Коркире и Эвбее (сткк. 1—6): «Для того, чтобы в будущем никто из союзников афинского народа и никто другой, ни чужестранец, ни гражданин, не смог нанести вред никому из союзников, двинувшись из Аттики и из какого бы то ни было из союзных городов, народ постановил...». Эти строки являют собой сплошную фальшь и демагогию, поскольку Афины приравнивают агрессию со стороны Аттики (*ὀρμηθεὶς τῆς Ἀττικῆς*) с выступлением любого союзного города и таким образом выражают готовность применить и к себе все меры наказания «согласно договорам», тогда как всем союзникам, особенно в условиях начавшейся Союзнической войны, было ясно, что им может грозить опасность прежде всего и только со стороны Афин, которые идут на любые меры, вплоть до карательной экспедиции, чтобы сохранить Второй союз, как это уже имело место на Кеесе.

³² 1) Хабрий (РА 15086), чье имя было стерто позднее, очевидно, вследствие его отозвания от должности за неудачу в Геллеспонте; 2) Херес (РА 15292), осенью 357 г. потерпевший поражение у Хиоса (D i o d., XVI, 7, 3); 3) Ификрат (РА 7737), который был, очевидно, стратегом в 356/5 г.; 4) Менон (РА 10085), в 361 г. осужденный за неудачу во Фракии (D e m., XXXVI, 53; H u r e r., fr. 59—69). но, очевидно, снова вернувшийся к государственной деятельности; 5) Филохарес (РА 14779), 6) Экзекестиад (РА 4718) посол в Византий в 378 г. до н.э. (T o d., № 121, стк. 19) и автор предложения о союзе с Фессалией (T o d., № 147, стк. 8); 7) Алкимах (РА 616), стратег, неудачно воевавший во Фракии в 364/2 г. (D e m., XXIII, 149—152; Schol. ad Aesch. II, 31; P o l y a e n., III, 10, 8); 8) Диокл (РА 4015), который в Эвбейской войне заключил перемирие с Фивами (D e m., XXI, 174) и известный как триерарх в 356/5 г. (IG, II², 1612, 279).

³³ Der Kleine RE, 12 Lief., Stuttgart, 1966, стб. 970.

³⁴ Следует обратить внимание на разграничение τῶν συμμάχων πόλεων, Ἀθηναίων ἢ τῶν συμμάχων τῶν Ἀθηναίων. Может быть, в первых можно видеть союзные независимо от Второго союза города, с которыми у Афин были отдельные договоры, во вторых — членов Второго союза. Из такого предположения можно сделать вывод, что Афины стремились обезопасить себя и от разрыва союзных отношений с отдельными партнерами.

В декрете 357—6 г. относительно Эретрии можно видеть перемены, происшедшие в союзе, — участвовавшие случаи восстаний и отпадения союзников потребовали соответственно и усиления мер, предупреждающих распад союза.

Если сравнить данный декрет (Tod, № 154) с декретом 362 г., фиксирующим отношения с отпавшим незадолго до этого от Второго союза Кеосом (Tod, № 142), то следует отметить предельно жестокий характер наказания в первом декрете. В 362 г. Афины на Кеосе ограничились изгнанием наиболее опасных лиц и конфискацией их имущества (стк. 41), обещая всем остальным гражданам Кеоса, вернувшимся в лоно союза «не поминать злом, не убивать, не изгонять» их (сткк. 59—60). В 357 г., в напряженной обстановке Союзнической войны и начала гибели союза, Афины суровостью наказания — угрозой смертной казни — пытались приостановить этот по существу необратимый процесс³⁵.

Попыткам оторваться от союза Афины противопоставили и тяжелые экономические контрмеры, особенно наглядные по сравнению с аналогичными условиями, касающимися Кеоса. Правда, следует помнить, что Кеос был возвращенным союзником, а декрет об Эретрии имел в виду превентивные меры. После возвращения в союз отпавшего острова тем из кеосцев, кто не желал оставаться на родине, было позволено в виде полного прощения поселиться в любом из основных союзных городов и пользоваться там своим имуществом. Теперь, через 5 лет, Афины, стремясь противопоставить мятежного союзника всей совокушности членов Второго союза, угрожает, очевидно, в случае бегства и сокрытия имущества злоумышленником (т. е. строкой ранее имущество объявлялось δημόσιαι, т. е. общественным) сделать такое имущество подлежащим изъятию, т. е. конфискации в пределах всего союза (Tod, № 154, сткк. 15—16): καὶ εἶναι τὰ χρήματα αὐτοῦ ἀπόγνυμᾶ ἐξ ἀπασῶν τῶν πύλων τῶν συμμαχίδων³⁶. Та же идея «круговой поруки» и изоляции отступника лежала в основе следующего пункта декрета — сделать мятежный город ответственным или должником перед всем союзом (сткк. 16—17: εἶν δὲ τις ἀφέληται πόλις, ἀρχειῖ[εν] τῶι κοινῶι τῶι τῶν συμμαχίδων. Таковы были суровые меры, предпринятые формально для защиты Эретрии, но, по всей вероятности, распространяемые и применявшиеся ко всему союзу³⁷; очевидно, Афины возлагали большие надежды на эти законы и стремились придать им больше гласности, поэтому было отдано распоряжение выставить декрет сразу в трех местах — на акрополе, на агоре и в Пирее. Данный декрет (Tod, № 154) является красноречивым подтверждением того факта, что Афины уже совершенно перестали считаться с мнением союзников и взяли на себя роль умирителя и карателя своих союзников — декрет, направленный по существу ко всему союзу, был принят в Афинах без участия и помимо союзников: эkkлeсия предложила совету пятисот, а не синедриону, как это должно было быть по правилам, подготовить пробулему для принятия решения (сткк. 8—10).

Анализ вышеприведенного эпиграфического материала подводит к выводу о глубоком вырождении союза, о его критическом накануне Союзнической войны состоянии и о стремлении Афин любой ценой задержать гибель союза, оставаясь на позициях «империализма». Афинам потребовалось немного более десятилетия (369—357 гг.), чтобы превратить «такое гармоничное по замыслу построение»³⁸, как Второй Афинский морской союз, в своеобразную афинскую архе IV в. до н. э. Более мелкая по географии

³⁵ Tod, № 154 можно рассматривать как применение на практике и развитие теоретических установок конституции 378 г., в которой нарушителя союза ожидала такая же мера наказания — смертная казнь и конфискация имущества (Tod, № 123, сткк. 51—62). Однако в декрете Аристотеля все эти крайне суровые меры были направлены против возможных нарушителей буквы закона, т. е. против попыток внести какие-либо изменения всего лишь в текст конституции союза. Самый союз казался его организаторам нерушимым.

³⁶ Любопытно употребление термина применительно к имуществу. Самый термин относится ко времени долгового рабства, когда должник мог быть приведен кредитором (ἀγείν) и продан за границу. Ἀπόγνυμᾶς — тот, которого всякий мог арестовать и представить суду. В u s o l t — S w o b o d a, ук. соч., стр. 826, прим. 1; Tod, ук. соч., стр. 155.

³⁷ Tod, № 154, стр. 163.

³⁸ G l o t z, ук. соч., стр. 125.

ческим границам, более кратковременная по хронологическим рамкам, менее значительная по политическому престижу и менее жизнеспособная, она руководствовалась теми же великодержавными установками и действовала теми же дискредитировавшими себя методами, как и архе V в. до н. э.

Г. Д. Цинзерлинг

THE TRANSFORMATION OF SECOND ATHENIAN CONFEDERACY INTO A SECOND *ARKHE*

by G. D. Zinzerling

The history of the Second Athenian Maritime Confederacy may be regarded as expressing the tendency of Athens to unite other states under her aegis and the response to this tendency on the part of the Aegean island states, and also as an attempt to relieve accumulating pressures, which threatened to result in a general breakdown of the classical polis system.

The sources permit us to distinguish three of the steps which culminated in the reconstitution of the Athenian Thalassocracy: the spontaneous activities of Konon (394—92), the more carefully considered campaign of Thrasybulos (389—88) and the adoption of the policy of concluding defensive alliances with individual states — Chios, Rhodes, Byzantium, Methymna, Thebes (384—78). In 378/7 these separate alliances fused into one symmarchy and the Second Maritime Confederacy was born. Its constitution was based upon the principle laid down in the Peace of Antalkidas, that the Greek cities should be free and autonomous, in guaranty of which the Athenians promised to impose no governors or garrisons on the allied states, to collect no tribute from them and to relinquish all their landholdings on allied territory. The relations between Athens and her allies were to be utterly different from those obtaining in the First Confederacy. It took only ten years for the expansive developmental tendency inherent in the Greek polis to reassert itself in Athens to the destruction of these new relations and the transformation of the Second Confederacy into a sort of second *arkhe*, with all the ills of the first one: territorial annexations, forcible exaction of tribute, new cleruchies on the part of Athens, resentment and revolt on part of the allies. Thus the history of the First Confederacy was repeating itself, but in the more difficult and unstable conditions of the IV century Greek world.

Analysis of the epigraphical documents makes it possible to trace one aspect of this process, namely the progress of relations between Athens and her allies from the first symptoms of allied discontent to the outbreak of open rebellion, suppression of rebellion and measures taken by Athens to prevent recurrence of these manifestations and possible outright secessions from the symmarchy. The first signs of discontent and disapproval of Athenian policies on the part of the allies and of Athenian efforts somehow to justify these policies, may be detected in the Athenian decree honouring the Mytileneans (Tod, No. 131, 369—67 B. C.). The decree on Athenian relations with the Kean city of Ioulis (Tod, No. 142, 362 B. C.) tells in some detail of revolts by that city, its secession from the Confederacy, the suppression of the revolts by Athens and the enforced return of Ioulis to the Confederacy. In two decrees of 357/6 B. C. (Tod, No. 153, 154) concerned with Athenian relations with Euboea we learn of efforts made to detach Euboean cities from the Confederacy, the forcible defeat of these efforts by the intervention of Athenian troops, renewal of alliance with Athens, and measures taken by Athens to prevent similar efforts in future. A decree relating to an alliance between Athens and the Thracian kings shows Athens acting to strengthen the ties binding the Greek cities in the Thracian Chersonese to the Confederacy by means of compulsory collection of tribute and the threat of military measures to be taken if any city should «revolt from Athens» (Tod, No. 151, 357 B. C.).